

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЗАПАХ», «ОБОНЯНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

**И.В. Чекулай,
О.Н. Прохорова**

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail: chekulai@bsu.edu.ru,
prokhorova@bsu.edu.ru*

Наряду с языковыми средствами передачи слуховой и зрительной перцепцией лексические единицы, передающие семантику обоняния, обладают не меньшим коннотативным потенциалом, и это обусловлено преимущественно ценностными характеристиками этих лексем в языках германской и славянской групп. На примерах из художественных произведений в данных языках показывается, как данные ценностно-семантические потенциалы позволяют решать важные коммуникативно-прагматические задачи.

Ключевые слова: перцепция, аксиологический потенциал, ценностные отношения, концепт, гедонистическая оценка, холистическая оценка.

В лингвосемантических исследованиях сложился своего рода шаблон, состоящий в том, что в области чувственной перцепции сложилась традиция исследовать преимущественно перцептивные сферы зрения и слуха. В принципе, это складывается объективно, поскольку на долю зрения в познании внешнего мира приходится более 90 % всей поступающей информации, а почетное второе место занимает область слухового восприятия. Но, наш взгляд, было бы незаслуженно обидно, если бы в стороне остались прочие три достаточно важные сферы перцепции, а именно тактильное, вкусовое и обонятельное восприятие. Как представляется, эти сферы представляют не меньший интерес с точки зрения лингвистической семантики.

Многочисленные исследования в области психологии доказывают тот факт, что основные сферы личности не задаются ей заранее, в готовом виде, а возникают на основе восприятия мира через органы перцепции. Соответственно, и ценностные отношения, и возникающие на их основе оценки в опосредованном виде являются результатом воздействия внешних раздражителей на органы перцепции. Именно поэтому мы можем квалифицировать наши ощущения в зависимости от особенностей воздействия на зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные и тактильные рецепторы в терминах оценки.

В данной статье предполагается, что термины "перцепция" и "чувство" далеко не идентичны. Перцептивная сфера является первичной сферой контакта индивида с материальным и социальным миром, в то время как чувства формируются внутри сознания. Вслед за Е.П.Ильиным мы полагаем, что "чувства выражаются через определенные эмоции в зависимости от того, в какой ситуации оказывается объект, к которому данный человек испытывает чувство. ... Прямого соответствия между чувствами и эмоциями нет: *одна и та же эмоция может выражать разные чувства, и одно и то же чувство может выражаться в разных эмоциях* (курсив авторов – И.Ч., О.П.)" [1: 288]. Подробнее на соотношении эмоций и чувств и их функций в оценочной категоризации мы остановимся ниже.

Перцептивная сфера представляет просто внешние раздражители организма, которые могут создавать благоприятные эффекты, ведущие к удовлетворению, радости, восхищению, или же неблагоприятные, вызывающие раздражение, боль, гнев и т.п. Тот факт, что данные эффекты, независимо от того, являются ли они чувствами или эмоциями, уже потенциально определяют аксиологический опыт человека, показывает важность учета перцептивного фактора в формировании оценочных категорий. Именно результат перцептивного восприятия отражается в частнооценочной категории, которую Н.Д.Арутюнова называет сенсорно-вкусовыми, или гедонистическими, оценками [2: 198].

Выделение категории гедонистической оценки предполагает ее дальнейшее членение в зависимости от того, какой эффект создается в определенной системе восприятия.

Гедонистическая оценка на основе зрительного восприятия может формироваться, в первую очередь, в зависимости от физических факторов воздействия, таких как интенсивность световой волны, дифракция среды при различном расстоянии до наблюдаемого

объекта, интерференция различных источников света, колористические характеристики объектов зрительного восприятия и др. Они создают различные соматические ощущения, которые мы на обыденном уровне интерпретируем как приятные или неприятные. Например, интенсивная световая волна может вызывать болевые ощущения зрительных органов. Общеизвестным фактом является влияние цвета крупных участков интерьера (например, стен в комнате) на создание эмоциональных установок (зеленый цвет способствует спокойствию; красный, наоборот, повышает реактивность и т.п.). Наблюдение за одиночным объектом гораздо легче, нежели за несколькими, объект лучше воспринимается в статике, нежели в динамике. Такие элементарные зрительные действия уже в своей основе несут значительный компонент, который можно описывать в следующих аксиологических терминах: "трудно-легко", "приятно – неприятно", "удобно – неудобно", "четко – смутно". Общеаксиологическое содержание зрительного восприятия всегда выражается в терминах холистической оценки. Оценка восприятия объекта не является дискретной в зависимости от фактора, она практически всегда не устанавливает специфику фактора, улучшающего или затрудняющего зрительное восприятие. Словосочетания "плохо видно", "плохой обзор", "не могу разглядеть" не выделяют какой-либо физический аспект, а характеризуют целостную отрицательную доступность объекта рассмотрения к адекватному восприятию. Несомненно, в техническом смысле могут актуализироваться отдельные физические параметры (так, при настройке телевизора устанавливается четкость входного сигнала, яркость, контрастность, цветовая насыщенность), но при обыденном визуальном восприятии предметов холистическая оценка остается ведущей формой высказывания, характеризующегося определенным аксиологическим содержанием в отношении качества зрительного восприятия.

Аналогичны и аксиологические потенциалы слухового восприятия. Холистическая оценка качества восприятия на слух также является доминирующим содержанием языковых единиц, характеризующих степень или общую адекватность перцепции на слух. Единственное различие, которое можно заметить для данного канала восприятия по сравнению с визуальным каналом, состоит в том, что громкость слухового сигнала осмысливается с большей степенью весомости по сравнению с другими характеристиками слухового восприятия и претендует на роль прототипического признака, по крайней мере, в обыденных, повседневных оценочных высказываниях, например, о качестве устной речи. Зачастую общую неадекватность восприятия чужой речи на слух мы связываем с негромким произношением, хотя недостатки восприятия могут наводиться объективно за счет дефектов речи говорящего, специфического тембра речи, ее скоростных характеристик, и обычной реакцией на такую неадекватность мы компенсируем словами: "Я плохо слышу, говори громче". Звуки, как и световые кванты, могут быть смазаны за счет интерференции других звуков, отдаленности источника звукового сигнала. Таким образом, качественные характеристики среды, в которой происходят зрительное и слуховое восприятие, во многом определяются физическими характеристиками самой среды.

В то же время восприятие вкуса и запаха существенно отличаются от восприятия зрительного и слухового. Это накладывает свой отпечаток и на аксиологическую экспликацию их параметров. Для того, чтобы показать такое наложение в более системном виде, ограничимся лишь параметрами восприятия запаха. Начнем с того, что если для информативных сигналов оптического и акустического характера практически во всех языках есть специфические глаголы, соответствующие русским "видеть" и "слышать", обладающих диактантной валентностью субъекта и объекта восприятия, чем определяется их способность выступать в качестве сказуемого без ограничений – как в действительном, так и в страдательном залогах, то глаголы обонятельного восприятия в ряде случаев имеют предикативные ограничения. Например, ни в славянских, ни в английском языках не существует ЛСВ глаголов вкусового или обонятельного восприятия, в котором эксплицитовалась бы ведущая роль субъекта; вкус и запах даются людям как бы объективно, независимо от их воли, желания:

в русском и украинском языках восприятие запаха субъектом восприятия передается не только глаголами перцепции "пахнуть/вонять", а также либо безличными предложениями, либо глаголами "ощущать/чувствовать" или их эквивалентами в сочетании с

существительным, передающим семантику запаха. Как правило, эти эквиваленты связаны с пространством нахождения или распространения запаха и потому часто передаются глаголами движения или наполнения:

Остан Бендер потянул тяжелую дубовую дверь воробьяниновского особняка и очутился в вестибюле. Здесь пахло подгоревшей кашей [5: 45].

– Мне ваши беспочвенные обвинения странны, – заметил Паша Эмильевич, от которого шел запах пенных струй [5: 53].

Ипполит Матвеевич возвратился домой и с омерзением стал поливать голову и усы "Титаником". По квартире распространилось зловоние [5: 29].

Зойка вернулась с капельками воды на ушах – они висели, как серьги – и наполнила купе запахом "Поморина" и душистого мыла [6: 9].

В хаті було повно барлогу, як у свинюшниках; там стояв якийсь чад од махорки, од гнилої соломи, од нечистої одежі, од кислого борщу, од бурлацьких онуч [Нечуй-Левицький: 54].

При этом не исключено и наличие в форме синтаксического субъекта семантического субъекта-носителя запаха и в форме дополнения – семантического субъекта-источника запаха. Оба субъекта при этом находятся в метонимических отношениях: источник исходит от носителя и следовательно является его кратковременным или долгосрочным свойством. Носитель обычно представляет конкретный, четко очерченный предмет, но им также могут быть лица, природные явления и т.п., в то время как источник запаха не всегда является четко очерченным и зачастую представляет ассоциацию с каким-либо распространенным представлением о типичном запахе предмета, представленного носителем запаха:

Он осторожненько перелез через низенький заборчик и пошел к окнам. ... Тучная теплая ночь исходила соком. Пахло затхлым погребом, гнилой древесиной и свежесмытой картофельной ботвой [7: 284].

Действие происходит сенью и на улице. Как известно, погреба на ночь запираются, чтобы в случае мороза не промерзли продукты, и чтобы в них не забралась живность. Таким образом, объективно в воздухе есть запах затхлости, типичный для погреба, который исходит от других предметов (гниющей древесины, листвы и т.п.).

Наши руки пахнут дымом и брусничкой – этот запах не исчезает неделями [8: 43].

Таким образом, комбинаторно-семантические свойства глаголов обонятельной перцепции проецируют возможность прототипизации отдельных концептов, ассоциирующихся в объективном и языковом опыте носителей языка как типичные носители определенного запаха.

В то же время глагол обонятельного восприятия может употребляться с объектом восприятия в качестве субъекта предложения и субъектом восприятия в форме дополнения. Объект восприятия выполняет семантическую роль носителя запаха (без метонимического разделения на носитель и источник запаха), а дополнение выражает семантическую роль бенефицианта запаха, которая всегда основана на восприятии конкретного человека или группы лиц. Таким образом, данное употребление характеризуется очень прозрачным антропоцентрическим характером обонятельного восприятия. Примечательно, во-первых, что в этом случае концепт бенефицианта обонятельного восприятия зачастую может не эксплицироваться, а, во-вторых, что чаще всего такое употребление характерно для ситуации оценки, например:

Та й смердить же наша хата! – сказав Микола і вийшов надвір [11:55].

Ніщо мені так не пахне, як наш степ, – каже молодий Горпищенко, льотчик реактивної авіації, приїжджаючи до батька-чабана у відпустку [12: 5].

В первом примере местоимение *нам*, передающее семантику бенефицианта восприятия, предполагает наведение объективированной оценки, установление качества, не зависящего от индивидуальных особенностей восприятия запаха. Кроме того, в данном случае отсутствует импликация сопоставления с иным носителем запаха. Во втором случае, кроме такой импликации (создаваемой отрицательным местоимением *ніщо*), еще местоимением *мені* наводится и субъективное отношение к носителю запаха. Сам же носитель запаха представляет отдельный предмет с типичным запахом, который создается комплексом запахов отдельных предметов (нагретой солнцем земли, полевых растений и т.п.).

От них могут образовываться прилагательные и действительные причастия, часто употребляющиеся атрибутивно (рус. *пахучий, пахнувший, душистый, вонючий, воняющий (-вший)*; укр. *пахучий, духмяний, смердючий*). Все они направлены на характеристику обонятельных качеств предметов, явлений, среды, т.е. носителя или источника запаха:

Свежая, пахнувшая йодом Зося застала Александра Ивановича за странным занятием [5: 409].

Мы ели упругие пахучие помидоры, брызгавшие желтыми семечками, хлеб с маслом и сыр [6: 185].

...городские мостовые становились все более и более затоптанными, вонючими, собак применяли все реже, они умели брать только последний след... [9: 413].

Вона неначе почувтила на своїх щоках м'які, як шовк, пахучі вуса, почувла чудові гарячі уста й заплакала [11: 159].

В чешском языке для передачи запаха также используются различные лексические и синтаксические средства. Их использование зависит от того, насколько объективировано обонятельное восприятие. Так, для простой констатации характера запаха и соответственно его источника используются: а) глагол *vonet* ("пахнуть") в действительном залоге, или б) конструкция с глаголом *bet* "быть" и глаголом семантики запаха *citit* ("чувствовать") в действительном залоге. При этом источник запаха передается подлежащим. Оба смысловых глагола могут употребляться для описания однородной в плане семантики ситуации. Например, оба случая актуализованы в романе Я.Гашека "Похождения бравого солдата Швейка" в ситуации, когда Швейку пришлось залпом выпить бутылку коньяка, чтобы не попасться самому и не подвести обер-лейтенанта Лукаша:

а) *Plyny, ktere vyvozoval krkanim, zahy naplnily celou mistnost, takže kuchar okultista Juraida, saje atmosferu nozdrami, prohlasil: "Sakra, tady voni konak"* [13: 484].

б) *"Co je z tebe, chlape, citit?"*

"Poslusne hlasim, pane laitnant, ze me je citit rum" [13: 490].

В английском языке список глаголов, обозначающих обонятельное восприятие, также невелик. Они практически сводятся к глаголу *smell*, который может вступать в предикативные отношения либо с носителем запаха в качестве субъекта, либо при передаче субъектом предложения-высказывания субъекта обонятельного восприятия объединяет семантические черты как прямого воздействия на органы обоняния, так и самого действия вдыхания воздушной среды, в которой присутствует тот или иной запах. Кроме того, словарь-тезаурус П.Роже четко выделяет сферы приятного (436. *Fragrance*) и неприятного (437. *Stench*) с точки зрения субъекта обонятельного восприятия. При этом специализированные глаголы для обозначения неприятного запаха (*stink, reek*) подаются с их достаточно многочисленными фразовыми эквивалентами (сюда, кстати, может относиться и глагол *smell*), в то время как для приятного обонятельного ощущения существуют лишь эквиваленты (*be fragrant, smell sweet, smell good, please the nostrils*) [20: 328-329]. Как и в других рассматриваемых языках, предикативное отношение, характеризующее обонятельное восприятие, может экстенсивно передаваться существительным с семантикой запаха и глаголом, обозначающим пространственную ориентацию обонятельного воздействия. Семантические роли актантов от остальных языков не отличаются:

Only out there they build 'em twenty miles away so you can't smell what they've got for dinner... [14: 248].

But she always smelled of stale sweat; I caught a whiff of it now as I patted her shoulder [15: 102].

He took off his sweater. It had the sick smell of burnt wool, like vomit [16: 124].

Как показывает проанализированный языковой и речевой материал, глаголы обоняния характеризуются достаточно однородными характеристиками в различных языках. Во-первых, обязательным компонентом является носитель или источник запаха, причем последний может зачастую выступать как своеобразный стандарт или эталон запаха, поскольку многие объективно существующие предметы и вещества внешнего мира характеризуются типичным запахом, доступным для обонятельного восприятия человеком. Во-вторых, субъект восприятия может быть либо представленным эксплицитно, либо в безличных предложениях или в предложениях, где подлежащим является носитель запаха, он

имплицитен, но с обязательным грамматическим подлежащим, выраженным местоимением *it*. Таким образом, можно говорить о фрейме, формируемом глаголами обоняния с обязательными вершинами "субъект восприятия", "носитель и/или источник запаха":

В исследованиях по семантике фрейма, в большом количестве появляющихся в последние годы, наряду с основными проблемами описания структуры фрейма и функционирования единиц языка на его основе разрабатываются также и частные проблемы лингвоаксиологического плана. Во многих работах отмечается, что оценочный компонент представляет собой терминал, т.е. факультативный компонент общепредметного фрейма (например, [3: 11,13]). В случае фрейма обоняния, как представляется, роль этого терминала усиливается, и он, если и не переходит в статус обязательного, облигаторного компонента общепреймовой структуры, то, по крайней мере, утрачивает статус терминального компонента. Основанием для такого утверждения является семантико-гедонистическая ограниченность сферы обонятельного восприятия, и это выражается в том, что объективно обонятельное восприятие не может быть "нейтральным", оторванным от осознания носителя или источника запаха как благотворно или неблагоприятно действующего на субъекта восприятия в целом. Кроме редких случаев простой констатации наличия того или иного запаха без аксиологической квалификации собственно воздействия на обонятельные рецепторы, речевое употребление глаголов типа "пахнуть", "вонять" и их эквивалентов всегда является интенциональным, всегда направлено на подчеркивание оценочных свойств запаха. Этим можно объяснить и тот факт, что количество оценочных синонимов глаголов чувственного восприятия намного превосходит количество собственно таких глаголов. Чаще всего подчеркивается отрицательный эффект обоняния, и такое восприятие тесно связано с высокой интенсивностью уровня обонятельного воздействия. Это выражается в существовании специальных глагольных форм типа русских *разить*, *нести* (как метафорических переосмыслений от глаголов для характеристики иных предметных сфер, и для этих глаголов семантика интенсивности носит облигаторный характер) или английского глагола *reek* и производного от него по конверсии существительного, не имеющего никаких иных значений, кроме интенсивного отрицательного обонятельного воздействия:

Я не знал, чем наполнены эти проклятые мешки, но они были огромного размера и от них разлило лекарствами [9: 533].

Розлютили Ёлку ті "блага"!

- Я вам що, припнута до цього місяця? Чи до сивих кіс на цьому вашому смердючому силосі? Підписки на невізд нікому не давала! [12: 297].

Beside it were the crumbling remains of the cottages of the miners, driven away no doubt by the foul reek of the surrounding swamp [17: 195-196].

Как указывалось выше, такое структурирование концепта обонятельного восприятия дает широкие возможности для его оценочного переосмысления с последующим выражением в единицах языка и речи. При этом возможность имплицитной передачи субъекта восприятия обусловлена его относительной пассивностью: запах дается людям объективно, независимо от их желания или воли. Поэтому оценочно-метафорические переосмысления обонятельного восприятия направлены прежде всего на характеристику ситуации, сложившейся объективно, вне волевого воздействия субъекта, и, как правило, носят отрицательную коннотацию. При этом отрицательная оценка, наводимая лексемами обонятельной семантики, довольно часто утрачивает эксплицитную связь с изначальной мотивирующей перцептивной основой. Чаще всего в связи с семантикой неприятного запаха образуется метафорический концепт (термин предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в [4 : 33-34]) "плохой запах – отрицательная с точки зрения субъекта оценки высказанная вслух или помещенная в письменном/печатном виде информация":

"Парень выругался.

- Стихни! – приказал Дьяконский. – В конце вагона есть места свободные. Перетаскивай туда свое барахло и воняй там" [10:251].

"The detective said hesitantly, ' The kid is clean, Captain. He's a war hero and he's never been mixed up in the rackets. The papers could make a stink'"[18: 129].

Метафорическое переосмысление запаха как предстоящей интриги или события, представляющих определенный интерес не только для субъекта оценки, но и окружающих его людей, а в определенных случаях – всей нации или всего человечества, предполагает наличие лексем, отражающих экспликацию таких событий, как *источника*, *причины* или даже *ситуации*, порождающих оценочную ситуацию и соответственно эксплицирующую языковую оценку:

"*Можно ли сказать, что попахивает ... новой мировой войной?" (автор высказывания – В.В. Повзнер, передача "Времена", эфир от 27. 11. 2004 г.).*

Такая метафора не исключает метонимического переосмысления источника запаха как некоего эталона или стандарта, являющегося атрибутом таких событий или явлений, которые получают речевую оценочную интерпретацию через языковые единицы, обладающие семантикой запаха. Необходимо лишь отметить, что данное метонимическое переосмысление не является центральным процессом общего переосмысления оценочной ситуации в терминах языковых единиц обонятельно-перцептивной семантики, а лишь сопутствует указанной метафоре, повышая ее выразительность:

Aby pak dodal vahu svetu pohledu, prilozil svou svalnatou, tlustou pest Sveikovi pod nos a rekl:

"Cichni si, lumpe!"

Sveik se cichl a poznamoval:

"S tou bych nechtel dostat do nosu, to voni hrbitovem" [13: 80].

В данном случае метафоризируются не отдельные лексемы, а словосочетание в целом. Говоря, что кулак надзирателя пахнет кладбищем, Швейк подразумевает опасную для своих жизни и здоровья ситуацию. Таким образом, предикативную связку "кулак пахнет кладбищем" следует интерпретировать как "он и убить может". Параллельно осуществляется и другая метонимия – концепт "надзиратель" трансформируется и передаётся с помощью лексемы «кулак».

Очевидно, что метафорические концепты "запах – оценочное отношение" свойственны многим языкам, что позволяет предполагать их универсально-языковой характер. При этом в основе метафорического переосмысления всегда остаются предикат обонятельно-перцептивной семантики, часто модифицированный дополнением, передающим либо причину/источник оценки, либо предмет, порождающий потребность к определенной деятельности и соответственно оценочное отношение к этой деятельности. Такие дополнения могут быть выраженными и существительными абстрактной семантики. В этом случае они чаще всего выступают в семантической роли объекта оценки, как в следующем примере:

– Даю голову на отсечение – эти воды пахнут сеном! – воскликнул Василий Демьянович. – вы чувствуете? Нюхайте!

– Есть нюхать! Чувствуем! – взыв Валера [...]

– Не дурачься, – сказал Василий Демьянович.

– Так ведь вы сами приказали нюхать, а мы с такого расстояния не можем определить, чем пахнет вода.

*– Она **пахнет** твоей хитростью, – улыбаясь, сказал Женя и поправил на боку длинную рыжую сумку с фототехникой [6:19-20].*

В английском языке данные метафорические концепты легли в основу формирования многих устойчивых словосочетаний. Так, фразеологическая единица *to smell the rat*, означающая "учуять что-то неладное (обман, беду и т.п.)", достаточно часто встречается как в разговорной речи, так и в авторском повествовании художественных произведений:

Tessio remembered the stories he'd heard about Moe Greene slapping Freddie Corleone around one night in the Vegas hotel. He began to smell the rat. He leaned back. Moe Greene was a dead man, he thought [18: 404].

В английском языке, как и в русском, нос в какой-то мере ассоциируется с любопытством (например, в известной просторечной паремии *Любопытной Варваре нос*

оторвали). Однако "английское любопытство", в отличие от русского, далеко не всегда вызывает отрицательное оценочное отношение. Семантика обоняния (нос какместилище обонятельных рецепторов, сам процесс обоняния и пр.) в английском языке скорее связана с интересом, в том числе вполне прагматическим, нежели с праздным любопытством. Однако в этом случае обонятельные действия становятся активными, целеустремленными, и такие метафоры направлены лишь на оценку техники самого действия, а не на его социальные, морально-этические и прочие подобные оценочные характеристики, например:

He quickly saw that Captain England's position rested upon his ability to lead his men to ample spoils. If he had failed to sniff out prizes, then the crew would have voted him down and elevated another in his place [19: 84].

Flint himself was a cold-blooded butcher, with a good nose for a prize when sober [19: 112-113].

Следует все же отметить, что отчасти подобное явление проявляется в устойчивом словосочетании русского языка "хороший/плохой нюх на что-л."

Таким образом, языковые единицы, передающие обоняние, обладают достаточно отчетливо выраженными оценочными потенциалами, что, очевидно, обусловлено самой семантикой обонятельного восприятия, которое не может быть «нейтральным», не вызывать определенного оценочного отношения. Более того, выражение таких отношений в форме единиц языка и речи проявляет их универсальный (по крайней мере, для рассматриваемых языков) характер с точки зрения их семантико-аксиологических параметров, что проявляется прежде всего в общем распределении семантических ролей в оценочном высказывании, где предикатом выступает лексема обонятельного восприятия, а также в структурной общности метафорических и метонимических оценочных переосмыслений из сферы обонятельного восприятия.

Список литературы:

Теоретические источники исследования

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Рогачева Ю.Н. Репрезентация фрейма "память" в современном английском языке (на материале глагольной лексики): Автореф. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2003. – 17 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Источники иллюстративного материала

5. Ильф и., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.
6. Мошковский А.И. Остров, зовущий к себе. Повесть и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 352 с.
7. Шукшин В.М. Любавины. – М.: Книжная палата, 1988. – 448 с.
8. Паустовский К.Г. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1962. – 523 с.
9. Метгер И.М. Среди людей. – Л.: Советский писатель (ЛО), 1979. – 575 с.
10. Успенский В.Д. Неизвестные солдаты. – М.: Сов. писатель, 1962. – 884 с.
11. Нечуй-Левицкий І.С. Микола Джеря; Бурлачка; Кайдашева сім'я: Повісті. – К.: Дніпро, 2001. – 428 с.
12. Гончар О. Тронка. Собор. – К.: Сакцент Плюс, 2004. – 512 с.
13. Hasek J. Osudy dobreho vojaka Svejka za svetove valky. – Praha: Baronet, 1998. – 638 s.
14. O'Henry. Selected Stories. – М.: Изд-во "Менеджер", 2002. – 304 с.
15. Braine, J. Life at the Top. – L.: Methuen Paperbacks, 1985. – 254 p.
16. Shaw, I. Rich Man, Poor Man. -Bungay, Suffolk: New English Library, 1985. – 767 p.
17. Conan Doyle, A. The Hound of the Baskervilles. – М.: Изд-во ИКАР, 2002. – 219 с.
18. Puzo, M. The Godfather. – Beijing: Fenshui, 1992. – 483 p.
19. Judd, D. The Adventures of Long John Silver. – L.: Corgi Books, 1978. – 192 p.
20. Roget's International Thesaurus: Fourth Ed. – N.-Y et al.: Harper & Row, Publishers, 1977. – 1317 p.

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF THE LEXEMES HAVING THE MEANING OF SMELL PERCEPTION (IN RUSSIAN, UKRAINIAN, ENGLISH AND CZECH LANGUAGES)

I.V.Chekulay
O.N. Prohorova

*Belgorod
State
University*

*e-mail: chekulai@bsu.edu.ru,
prokhorova@bsu.edu.ru*

Together with the language units conveying meaning of visual and hearing perception the lexemes having the meaning of smell perception possess no less connotative potential than the former ones, this being determined mostly by the value characteristic features of such lexemes in some languages of the Germanic and Slavonic groups. It has been shown with the examples from fiction in those languages in what way those semantic value potentials help solve important communicative pragmatic tasks.

Key words: perception, axiological potential, value relations, concert, hedonistic evaluation, holistic evaluation.